

В конце 1828 года Дельвиг показал Пушкину рукописное стихотворение, ему (Пушкину) посвящённое, сказав, что собирается напечатать это стихотворение в следующем году в своём альманахе «Северные цветы» («Северные цветы, собранные бароном Дельвигом»). Вот это стихотворение:

**

О Пушкин, слава наших дней,

Поэт, любимый небесами!

Ты век наш на заре своей

Украсил дивными цветами:

Кто выразит тебя сильней

Природы блеск и чувства сладость,

Восторг любви и сердца радость,

Тоску души и пыл страстей?

Кто не дивится вдохновеньям,

Игривой юности мечтам,

Свободных мыслей выраженьям,

Которые ты предал нам?

В неподражаемой картине

Ты нам Кавказ изобразил,

И деву гор, и плен в чужбине.

Черкесов жизнь в родной долине

Волшебной кистью оживил.

Дворец и сад Бахчисарая,

Фонтан любви, грузинки месть

Из края в край, не умолкая.

Гласят поэту славы весть.

Поэтесса задает вопрос:

Одно... Но где же совершенство?

В луне и солнце пятна есть!

.

.

Несправедлив твой приговор,

Но порицать тебя не смеем:

Мы гению простить умеем

Молчанье выразит укор.

**

Это послание написала в 1828 году Анна Ивановна Готовцева. Вот она:

Анна Ивановна родилась в 1799 году (ровесница Пушкину), а дожила до 1871-го. (Вот бы Пушкин бы до стольких бы лет дожил бы, тогда и «Дубровского» продолжение, глядишь, написал и «Гости съезжались на дачу» закончил, и «Египетские ночи»...)

Дельвиг стал упрашивать Пушкина написать ответ на это послание (ну, бывало ведь такое; во глубине сибирских руд храните... — струн вещих пламенные звуки до слуха нашего дошли...), чтобы получился этакий поэтический обмен любезностями.

При этом, судя по всему, Пушкин не понял, что за две строчки многоточий, за которыми следует прямой упрёк: — Несправедлив твой приговор, но порицать тебя не смеем...

Но отказывать другу не стал, стихи написал и 26 ноября 1828 года послал Дельвигу с припиской «Вот тебе ответ Готовцевой (чёрт её побери); как ты находишь *ces petits vers froids et coulants* (эти холодные и текучие стишки)? Что-то написал ей мой Вяземский? а от меня ей мало барыша. Да в чём она меня упрекает? в неучтивости ли противу прекрасного полу или в похабностях или в беспорядочном поведении? Господь её знает». Вот стихотворение Пушкина:

И недоверчиво и жадно
Смотрю я на твои цветы.
Кто, строгий стоик, примет хладно
Привет харит и красоты?
Горжуся им, но и робею;
Твой недосказанный упрек
Я разгадать вполне не смею.
Твой гнев ужели я навлек?
О, сколько б мук себе готовил
Красавиц ветренный зоил,
Когда б предательски злословил
Сей пол, которому служил!
Любви безумством и волненьем
Наказан был бы он; а ты
Была всегда б опроверженьем
Его печальной клеветы.

Но неужели *ах, Александр Сергеевич, милый* совсем не мог «разгадать недосказанный упрёк»? Ведь незадолго перед посланием Анны Ивановны к Пушкину в «Северных цветах» были опубликованы «Отрывки из писем, мысли и замечания». А среди этих *мыслей* была и такая —

«Жалуются на равнодушие русских женщин к нашей поэзии, полагая тому причиною незнание отечественного языка: но какая же дама не поймёт стихов Жуковского, Вяземского или Баратынского? Дело в том, что женщины везде те же. Природа, одарив их тонким умом и чувствительностью самую раздражительною, едва ли не отказала им в чувстве изящного. Поэзия скользит по слуху их, не досягая души; они бесчувственны к её гармонии; примечайте, как они поют модные романсы, как искажают стихи самые естественные, расстраивают меру, уничтожают рифму. Вслушивайтесь в их литературные суждения, и вы удивитесь кривизне и даже грубости их понятия... Исключения редки... »

Правда, у Пушкина на этот счёт было алиби (а оно ему нужно?) — напечатаны «Отрывки из писем, мысли и замечания» были без подписи.

Но, наверное, Анна Ивановна, державшая в Костроме литературный салон, сама писавшая стихи с 1823 года, дружившая с Вяземским и с 1824 года сотрудничавшая с Дельвигом и «Северными цветами», была проницательной, как все поэты. Вот и раскусила «поэта, любимого небесами»...

Впрочем, не все исследователи творчества Пушкина склонялись к версии, что послание Готовцевой написано после прочтения «отрывков из писем и мыслей». Борис Викторович Томашевский предполагал, что стихи вызваны отрывком «Женщины» из IV главы «Евгения Онегина», который не был включён Пушкиным в окончательный текст. Но был напечатан в конце 1827 года в «Московском Вестнике», который наверняка был у Готовцевой.

Он (отрывок) большой, у кого нет в книжках — в примечаниях к «Евгению Онегину», можно найти в Сети. Я приведу кусочек, где тоже *кое что* для женщин обидно звучит: «Мы их любви в награду ждём,

Любовь в безумии зовём.

Как будто требовать возможно

От мотыльков иль от лилей

И чувств глубоких и страстей!».

И да, что касается пушкинской ремарки в письме к Дельвигу- *что-то написал ей мой Вяземский?*

В этом альманахе за 1829 год были не только послание Готовцевой к Пушкину и его ответ ей, но и Стансы (Анне Ивановне Готовцовой) от Вяземского:

Благоуханіемъ души
И прелестью подобно розе,
И безъ поэзіи, и въ прозъ?,
Вы достоверно хороши.
Но мало было вамъ тревожить
Въ насъ вдохновительные сны:
Вы захотели ихъ умножить
Дарами счастливой весны.
Вы захотели примирить
Существенность съ воображеньемъ;
За вдохновенье вдохновеньемъ,
За песни песнями платить.
Дается редкому поэту
Быть поэтическимъ лицомъ:
Въ гостиную смотреть сентябремъ,
Кто чародей по кабинету.
Но въ васъ, любимице наукъ,
Съ плодомъ цветъ свежій неразлученъ:
Съ улыбкой вашею созвученъ
И стихъ вашъ, сердца чистый звукъ.

Ну и как там было в каком-то исторической анекдоте? — Третий день пью за ваше здоровье... А я отсылаю этот поздравительный пост 06. 06.2018 :))